

Юри Балабанов

Антуан
де Сент-Экзюпери –
Возвращение Маленького Принца.

«Почему умерла Иза Миранда,
или
Антуан де Сент-Экзюпери –
Возвращение Маленького Принца».
– повесть –

«Я постарею,
и ты перестанешь меня любить?..
Какая глупость, – сказал Лис,
– ведь мы состаримся вместе!..»

«Меня разбирал смех, когда я видел
его смеющимся, потому что смешно
смеяться, если тебе не смеётся...»

«...Что-то сломалось. Что-то щёлкнуло и сломалось».

Он отодвинул от себя похожий на поржавевшую жестянку корпус «Павла Буррэ», отодвинул на самый край стола, на расстояние протянутой руки. Тяжёлая тканая скатерть зашипела и сморщилась под тяжестью негодного теперь цилиндра. «Что-то сломалось».

Если бы стол не был так широк, Павел Буррэ упал бы, вероятно, на вощёные доски пола и, кто знает, возможно, больше не пришлось бы повторять эту фразу.

«Что-то сломалось».

Внимание его привлекла пожелтевшая от времени (от времени, или просто пожелтевшая?) газета. Да. Время остановилось. Остановилось задолго до того, как что-то щёлкнуло в древнем деревянном – всё-таки, деревянном – цилиндре.

«Когда» и «Где» – два вопроса, которые в основном волнуют журналистов. С «Когда» – тут всё понятно. Он не знает, когда. Да и не очень-то его это волнует. Может быть, именно поэтому он давно уже никуда ничего не пишет... Может быть, поэтому он больше и не журналист, раз его не интересует «Когда». «Когда» – это штука тонкая, с ней шутки плохи. «Когда» нельзя пренебрегать!

...А тебя когда-нибудь интересовала «Когда»?

– Нет, никогда. Вот «Никогда» меня, как раз таки, интересовала. Когда «Никогда» – это гораздо интереснее, правда, в минутно-эмоциональном плане. Лучше даже сказать в секундно-эмоциональном.

Ну, на пример, едет какой-нибудь господин из Парижа в Лондон. Едет себе, покуривает сигару, а потом вдруг говорит: «А в Париж-то я больше не

вернусь НИКОГДА!!!» Тем временем другой господин едет себе из Лондона в Париж. И, покуривая, естественно, трубку, вдруг говорит сам себе: «А Лондон-то я НИКОГДА больше не увижу!!!» И так у них обоих защежит душу! И если поезда, в которых они едут, проносятся в это время мимо друг друга, машинисты невольно потянутся к ручке паровозного гудка. Вот отсюда-то и происходит эта тайна тоскливой переключки паровозов в ночи.

Правда, эту теорию при желании можно разбить в пух и прах. Чтобы эта теория была верна, нужно, чтобы поезда ездили лишь по ночам, и чтобы между Лондоном и Парижем и в помине не было никакой воды... Но, в конце-то концов, мы обсуждаем не проблему передвижения по суше, а тайну слова «Никогда». Тайну в секундно-эмоциональном плане.

Что же касается слова «Никогда» в плане драматургии, то писателям-драматургам это слово претит, как корове – бифштекс с кровью. Не любят этого слова писатели. И правильно делают. Ну, представьте себе сюжет, в котором всё – никогда! Когда найдут убийцу? – спрашивает читатель. А никогда, – отвечает писатель. А когда они поженятся? – спрашивает читатель. Да никогда, – говорит ему писатель. – А когда будет... – Никогда. – А... – Никогда. Сказал же я вам, НИКОГДА. Всё будет никогда.

Ну что, интересно вам читать такую книгу?

Итак, с «Когда» и «Никогда» всё понятно. А вот, по поводу «Где»?..

Он подошёл к серванту и налил в пивную кружку томатного сока.

Слово «Где», вообще-то, отдаёт нафталином. Где мои былые годы, где наши обручальные кольца, где ты, мой распрекрасный принц...

Отхлебнув из пивной кружки томатного сока, он подумал, что по поводу Принца – именно Принца, а не принца, он задал бы всё-таки один вопросик... Он обвёл взглядом гостиную. «Только ненормальный может устроить гостиную на третьем этаже, под самой крышей», – вспомнил он слова одного своего друга. Да какого друга! Так, знакомого. Друг таких слов никогда не сказал бы.

Никогда. И привязалось же это никогда!

Единственное, чего бы он страстно желал в связи со словом «Никогда», так это чтобы его пивная кружка никогда не пустела. Вот так – стояла бы на столе, он пил бы из неё, а там – всё по самый край! Впрочем, какая здесь проблема? – никакой проблемы в этом нет.

Он достал из серванта бутылку. Это не был томатный сок. Это была водка. «Петровская». Ею он и дополнил недостающий до края пивной кружки сантиметр.

На глаза опять попалась пожелтевшая газета.

«ПОЧЕМУ УМЕРЛА ИЗА МИРАНДА»

– гласил заголовок на первой странице.

Во-о-от! Вот какой вопрос ему нравится больше всего! Вот какой вопрос вертелся на кончике языка, когда он вспомнил про Принца!

«ПОЧЕМУ!»

Только вдуматься, как это прекрасно! Как таинственно! Почему умерла ИзаМиранда... Само это словосочетание звучит, как музыка, как песня со словами, но без смысла. Вот такое точно бывает. Когда поют на непонятном тебе языке. И не нужно же, ради бога, лезть во время пения в словарь и расшифровывать смысл, ибо СМЫСЛ уже был расшифрован: он как раз и состоял в том, чтобы петь эту песню бесконечно; именно петь, а не слушать; петь, перебирая звуки в гортани, как ребёнок, что вращает во рту карамельку, постоянно борясь с искушением разгрызть её; разгрызть, и тем

самым покончить с томительным, сладострастным ожиданием нового вкуса. Больше слюны! Ещё! Ещё! Чтобы растворить в ней этот таинственный предмет, рождающий во рту такие вкусные, такие сладкие слюны. Никогда в жизни у вас не появятся такие бесподобные слюны, пока вы не положите в рот карамельку. И если взрослые будут ожидать таких слюней, пренебрегая при этом карамелькой, они на сто процентов окажутся в проигрыше. Как бы они не пукали при этом и не верещали, изображая детей. Потому что дело тут совсем не в детстве. Дело тут в наличии под рукой сладкого леденца.

Он отхлебнул томатного сока из пивной кружки и опять дополнил водкой недостающий до края сантиметр...

У взрослых людей, как правило, жизнь очень горька, и именно поэтому они подсознательно желают сладкого вкуса во рту. Но взрослые – примитивные создания. Они никогда не догадаются поискать детский магазин карамелек и не пойдут к бродячему торговцу сладостями. По своей примитивности (а, может быть, из-за ложноговысокоМэрия), они ищут там, где, по их мнению, можно найти быстрее всего, я имею в виду – во ртах себе подобных.

Вот почему, когда два взрослых человека встречаются, то непременно смотрят друг другу в рот! Они пытаются выяснить: «Есть ли там, у моего собеседника за щекой карамелька?..»

С детьми, впрочем, происходит такая же история. Но они никогда не прячут карамелек за щекой. Если у кого-то из детей есть во рту карамелька, он просто вынимает её изо рта и кладёт в рот тому, у которого карамельки нет. Мальчики кладут мальчикам и девочкам; девочки – девочкам и мальчикам. Никакой разницы нет. Если тебе не жалко своей карамельки, то совсем неважно, кому ты её положишь в рот!

Со взрослыми же совсем иное дело. Они всего привыкли добиваться хитростью. И поэтому более сильный (а это, как правило, мужчина), подходит к более слабому (так принято, что это женщина), и лезет самым наглым образом ей в рот языком. И женщина не сопротивляется. Она научена горьким опытом (а если не опытом, то её предупредила мама), что если она подобру-поздорову не отдаст мужчине свою карамельку, то мужчина в отместку сделает с ней самое страшное. Это страшное называется секс. Короче, попробуйне отдай карамельку и получишь СЕКС.

Если же мужчина полезет в рот другому мужчине за карамелькой, то не будет ни карамельки, ни секса. Будет мордобой. Как правило. Однако в каждом правиле есть исключения.

В ещё большем волнении от только что произведённого открытия Закона «О Влиянии Леденцов На Жизнь Общества», он отхлебнул из пивной кружки и тут же дополнил из бутылки «Водка Петровская» недостающие два сантиметра.

«Почему умерла Иза Миранда» превратилась вдруг для него в карамельку. И сладкие слюны капали изо рта, как минуты, брошенные в вечность. «Почему умерла ИзаМиранда?..» Он придвинул поближе жёлтую страницу.

«...по официальной версии...»...

Пожелтевший осенний лист приземлился, порхая, словно птица, на доски пола.

«КРРР-АК» – Что-то щёлкнуло и сломалось.

«КРРР-АК» – Хрустнула карамелька на зубах.

«У детей тоже есть искушение покончить с этим предметом, – подумал он, – но они борются с этим искушением, как более мудрые. И пока мы на все лады – в стихах и в прозе – решаем столь наболевший вопрос – «Быть, или не быть», дети знают: БЫТЬ! Карамельке быть, потому что если не удержаться и разгрызть этот таинственный предмет, сладких слюней не будет. Ничего больше не будет. Как раз-то и будет «Не быть».

Году в двадцатом он поступал в военно-морское училище. Седой старикашка на экзамене по сочинению предложил ему тему: «Впечатления эльзасца, вернувшегося в родную деревню, после того, как она вновь стала французской». Вот уж где можно было два часа кряду растекаться сладкими слюнями по листу бумаги... Тысячекратное «Ура», платочки с оборочками... А он – КРР-АК – и раскусил сладкий леденец. Раскусил и выплюнул, даже не жуя. Он так и написал на листе бумаги: «КРР-АК». Одно слово. Если это можно назвать словом. Написал, и, не дожидаясь оценки, пошёл на Плас Пигалькормить голубей.

Может быть тогда, ещё в двадцатом году, весной всё и началось?.. Может быть, тогда в первый раз сломалась и щёлкнула карамелька?!!

...Почему умерла Иза Миранда. Почему?.. А почему, зачем, как вообще получается, что люди умирают?.. Что-то щёлкает, ломается, и нет уже никакого смысла вдаваться в подробности.

Он бросил взгляд на «Павла Буррэ».

В четверг вечером, когда monsieur Корнишон с супругой и с зонтиком зашли к нему в гости и достали из принесённой с собой шляпной коробки эту шгуковину, помнится, он очень удивился.

«Вы не могли бы, как механик, придумать, каким образом можно добраться до циферблата, чтобы протереть его? Эта вещь очень редкая, можно сказать, уникальная, с ключиком на обратной стороне, что не типично... короче, цены ей нет».

«Она и всего-то в единственном экземпляре» – добавила мадам Корнишон.

Во-первых, что такое – механик?!! Да, в своё время он получил патент на приспособление для посадки самолётов, но часы! Да ещё такие уникальные... Впрочем, для них это не имело никакого значения: «Если он разбирается в отражателе катодных лучей, то сам бог послал его, чтобы он протёр нам циферблат».

Безупречная логика. «Наверное, это была идея мадам, – подумал он в тот день. – И цель их визита вовсе не в циферблате и не в Павле Буррэ».

Под этим, кстати, они очень скоро и подписались...

– Знаете, нам с мужем показалось очень странным, что вы, такой человек, поселились в Китайском Квартале.

Вся речь мадам Корнишон изобиловала многозначительными паузами и акцентами. Казалось, будто бы они сидят не в гостиной на третьем этаже, да ещё под самой крышей, а, по меньшей мере, в тронном зале. И беседуют с посланцем из Малой Гвинеи. А сами они – никак не меньше, чем Генрих Второй и Екатерина Медичи.

Через каждые три секунды мадам Корнишон обрывала свою мысль, будто бы дожидаясь, пока отзвучит затерявшийся в лазурных сводах бархатный её голос. «Да и посла нужно пожалеть. Он, наверное, и по-французски-то не говорит, однако ж, этот хрен нужен нашему королевству. Он из Малой Гвинеи. А там у них очень хорошо протирают».

И не важно, Ваше Величество, мадам Корнишон, что у нас в Малой Гвинее по большей части протирают кокосы, а не павлов, подумаешь! Велика разница!

– Знаете ли, нам с мужем, – продекламировал он, отпив из пивной кружки и восполнив недостающие три сантиметра.

С мужем! Господи, а с кем же ещё! Нас тут всего трое, не считая Павла Буррэ.

– Показалось очень странным... ..

Так. Они пьют кофе. Значит, кофе показался им очень странным. Почему? – Ах, да! Я по ошибке подал им прокисшие сливки!

– Нам показалось очень странным, что вы!!!

Простите, мадам, Ваше Величество, но кофе с прокисшими сливками подавать больше некому, кроме, разумеется, меня. Моя фам де шамбр рванула в Швейцарию с очередным любовником. Его зовут Пьер. Кстати, если пожелаете, они притянут Вашему Величеству отличный фирменный швейцарский будильник взамен Вашего Павла. А ещё, кстати, Пьер работал у меня садовником, постригал по воскресеньям рододендроны, там, в саду, возле статуи Венеры, что у самого пруда, так что, по приезде, он может закопать Вашего Павла где-нибудь между рододендроном и Венерой. И ещё более кстати, «Крем-де-ля-крем» сегодня не подадут. Дрова кончились в нашем королевстве.

– Нам показалось странным, что вы, такой человек!!! !!! !!!

А какой я человек, простите? Что вы вообще обо мне знаете, если лёгчику, писателю и теоретику суёте под нос пыльный хлам?! Я, между прочим, своей собственной задницей сидел в кресле самолёта «Максим Горький», когда тот порхал над Москвой, как крылатый рояль! Я даже заблудился в его коридорах так, что меня не могли отыскать до самого конца полёта! Вот какой я человек! Так давайте, лучше, выпьем за этот летающий рыдван с его коридорами и телефонной связью! Между прочим, забегая вперёд, Максиму тоже не повезло, как и Вашему Павлу. Там тоже что-то щёлкнуло и сломалось. Просто беда с этими русскими: у русских всегда ломается что-то очень важное именно тогда, когда хочешь всего лишь протереть стекло, да и только!

– Вы, такой человек, и поселились в Китайском Квартале!!!!!!!

– Многие люди нашего круга ни за что не пришли бы к вам в гости, особенно в такое позднее время, – поддержал супругу monsieur Корнишон.

Да мне просто надоело отбрыкиваться. Я никогда ни перед кем не оправдывался. Давал отчёт – это да. Это другое дело, это достойно уважения. Но оправдываться! И почему это мы всегда оправдываемся перед людьми, недостойными принимать наши оправдания?.. Оправдываемся чаще *pop pro tem*, будучи с собой наедине, а когда они несут всякую чушь, мы сидим с ними рядом и спокойно попиваем кофе с прокисшими сливками. От чего это происходит? – мы бережём *себя, или их собственную нервную систему?*..

Но если уж оправдываться, то я ровным счётом ничего не имею против Китайского Квартала. Здесь, помимо прочих услуг, о которых не принято говорить в приличном – ха-ха – обществе, можно, кстати, ещё и очень дёшево пообедать. А по поводу ВАШЕГО круга, что же вы от него отбились сегодня вечером? – Ну как же! Писатель! Так интересно!

Завтра вечером вы безо всякой ломки для себя вернётесь в свой круг, и уж тут-то вы не будете делать акцентов и, тем более, пауз! Уж тут-то

красноречие польётся, как из рога изобилия! Ещё бы! Как много нужно успеть рассказать за один вечер, тут уж трудно будет выдерживать паузы, разве только для того, чтобы наспех перемолоть креольский творог, майенские устрицы и «сарду», заливая всё это, опять же, наспех, абсентом по-швейцарски!

Он поднял в воздух пивную кружку, приветливо чокаясь с воображаемыми теми, кто забрёл в четверг вечером – по ошибке, или сознательно, неважно – не в «свой круг». Он чувствовал, что начинает раздражаться, но не мог понять, почему это происходит, и от этого ещё более раздражался. Но, по всей видимости, бесило его лишь то, что в тот самый четверг вечером они преспокойно сидели втроём в его гостиной, и, попивая кофе со сливками, беседовали о такой «предательски-изменчивой погоде», о перспективах авиации и о безопасности воздушных полётов. И – вот самое удивительное – каждая тема начиналась и заканчивалась утверждением. Никаких «Когда» и «Где», тем более, «Почему».

Страшным теперь казался факт, что в тот момент он находил это нормальным. Ему даже нравилось беседовать с настоящими буржуа.

Они сидели за овальным огромным столом, накрытым тяжёлой скатертью, а «ПавелБуррэ», словно именинный пирог, нахально красовался посреди стола. Так и хотелось вставить в него свечки. Но вместо свечек monsieur Корнишон воткнул в зад Павла ключ и ещё, казалось, целую вечность они втроём с замиранием сердца слушали вначале негромкое подозрительное тик-так (надо отдать должное пожилым супругам, ибо, благодаря им в тот момент он вновь ощутил себя военным лётчиком), затем ещё более подозрительное шипение, как будто мадам Корнишон в тайне от всех под столом подожгла бикфордов шнур (опять волнуящие душу воспоминания), и, наконец, о, ужас развязки! – нелепая мелодия. Какой-то там русский гимн «Боже, Царя храни», – как сообщили Корнишоны.

Бедным старикам так всё это нравилось! И вот теперь он лишил их этой игрушки. Последней отрады старости.

– Что делать, дорогая мадам, – прохрипел он, – я вас очень хорошо понимаю. Если уж у вашего мужа давно перестало играть и тикать, приходится наслаждаться Павлом.

Слегка опустевшая пивная кружка вновь наполнилась до самого края.

– Теперь я представляю, мадам Корнишон, какую «услугу» я вам оказал! Вы передали мне на поруки своего любовника, чтобы я помыл его и почистил, а я, не моргнув глазом, даже не разобравшись в обстоятельствах, прикончил его, разбив вам тем самым сердце! Но вы сами виноваты, мадам. Кто же отдаёт своих любовников на поруки, да ещё людям «не своего круга». Лучше бы, вместо того, чтобы сидеть тут у меня за чашкой кофе и болтать про круги и про погоду, вы бы объяснили мне хорошенько, что к чему, вот и не случилось бы никаких неприятностей. Их удивляет! В Китайском Квартале!.. Меня, может быть, тоже многое удивляет. Мне тоже многое кажется странным, например, это имя: Корнишон. Мне думалось, что такие имена дают только в итальянских сказках – синьор Помидор, синьора Луковка... Но я же вам ничего про это не сказал, хотя и подумал!

Чем же теперь порадовать вас, когда вы заявитесь ко мне в гости в воскресенье?!!

– Покорнейше прошу меня простить, мадам, уж не знаю, можно ли говорить такие вещи при вашем муже, но поскольку вы приходили в прошлый четверг ко мне втроём, monsieur Помидор, вероятно, знает о ваших

особенных чувствах к Павлу... Вчера вечером мы провели с ним весьма приятный вечерок, немного выпили томатного сока, поболтали всласть до самой ночи, но, по всей видимости, Павел тоже оказался персоной не моего круга, ибо тут же вечером, между двумя аперитивами он и помер. И теперь он лежит у меня в гостиной, как принято в таких случаях, на столе, на моей любимой скатёрке – мёртвый, как дерево, коим он и являлся, как именной пирог... как Гитлер... как ИзаМиранда, наконец! А теперь давайте-таки, поднимем бокалы за усопшего, пусть стена ему будет пухом.

Подняв кружку над головой, он обнаружил, что напиток постепенно бледнеет.

«Вот так приходит рассвет, тихо и незаметно, и неразличима та грань, которая отделяет ночь от утра. В природе всё происходит именно так. Всё изменяется, рождается, умирает, и при этом никаких щелчков, никакого хруста».

Конечно же, он и словом не обмолвится о том, что Павел перед смертью хрустнул. Это не наведёт её ни на какие мысли и не послужит утешением. Она, естественно, зарыдает; monsieur бросится к телефону.

Вы думаете, чтобы вызвать доктора для своей супруги? – глубоко ошибаетесь! Самым первым порывом таких типов является не стремление избежать новых неприятностей, а стремление покарать того, кто повинен в неприятностях нынешних.

– Алло, monsieur констебль, совершенно убийство! Этот, с позволения сказать, человек, за три минуты превратил художественное произведение в именной пирог! Не могли бы вы срочно приехать и арестовать его до выяснения причин...

А я преспокойненько сижу себе в кресле из красного дерева, попиваю из пивной кружки томатный сок, вернее, водку, а ещё точнее, водку с томатным соком... Кстати, аМэриканцы называют этот напиток Кровавой Мэри...

– Monsieur констебль! Он наглым образом сидит в кресле и попивает аперитив! При этом он говорит, что домашний арест ему как никогда подходит в качестве наказания, потому что он, видите ли, уже пол года, как не выходит из дома! Ну вы представляете, наглость какая?!!

Да, напиток именно в этой пропорции и называется Кровавая Мэри. Но я, господа, пью не обычную Кровавую Мэри! Как теоретик я заявляю, что мой напиток необычен. Как правило, когда мы имеем дело с коктейлями, то берём во внимание две величины, одна из которых есть константа, другая же изменяется в зависимости от интенсивности питейного процесса...

– Алло, monsieur констебль!..

В обычном случае с Кровавой Мэри, как и с другими коктейлями, константой является пропорция. Она, с позволения сказать, неизменна с самого начала питейного процесса до того момента, как вы упадёте под стол. Величиной же изменяющейся является вторая пропорция. Но если в первом случае мы говорили о пропорции между самими напитками, то теперь мы говорим о пропорции СОДЕРЖАНИЯ напитков в бокале и в вашем желудке.

– Алло, прошу вас, не вешайте трубку, monsieur...

Если же коснуться случая с моим коктейлем, господа, то здесь мы ясно видим, что пропорции как бы поменялись местами. Константой стало содержание бокала. Иными словами, бокал постоянно полон. Вы можете возразить мне, господа, и сказать, что мы с таким же успехом можем постоянно пополнять бокал и в первом случае, с обычным коктейлем, но

уверяю вас, это совсем не так. Дело в том, что процесс наполнения бокала в первом случае ни коим образом не зависит от того, как и по сколько вы выпиваете; в то время, как в деле с моим коктейлем эти два фактора прямо зависимы. Ибо, чем больше вы выпиваете, тем крепче становится напиток. (Это, разумеется, в том случае, если доливать в пивную кружку водку, а не томатный сок, говоря простым житейским языком.)

– Алло, умоляю вас, помогите...

Таким образом, как только мы удаляем константу из пропорции и делаем её, то есть, пропорцию, зависимой от «t°», времени выпивания и одновременного доливания, мы получаем сногшибательный результат, господа! Ей Богу, как теоретик, я должен был бы в подтверждение своих выкладок начертить вам формулу этого уникального процесса, но к вашему величайшему сожалению я не смогу этого сделать, потому что, пока я здесь рассуждал, monsieur Корнишон дозвонился-таки, куда ему было надо, иными словами, куда угодно кроме скорой помощи для своей супруги; и в результате теперь меня, прославленного теоретика, путешественника, поэта и исследователя поведут прямёхонькона суд.

О! Суд – это особый случай! Прокурор заливается, как соловей во время течки:

– Этот Иуда, этот Сальери, неудавшаяся писака (да и тем более, в прошлом), оскверняет шедевры, созданные великими мастерами!.. Медам, месье! Давайте рассмотрим вопрос шире, давайте разберёмся, что же толкает всех подобных этому monsieur на совершение грабежей, убийств, изнасилований и поджогов...

(ого, куда хватил!)

... всех этих действий, которые разрушают наши судьбы, наши семьи и наше благосостояние?.. – Зависть, господа! Пресловутый комплекс Сальери, пресловутый поцелуй Иуды! Заметьте, что на протяжении многих веков именно это позорное чувство довлело над нашим благопристойным миром. Но чувства остаются чувствами, господа. В суде же принято рассматривать действия. Действия, направленные против закона, против моральных устоев и, наконец, если того желаете, против Гармонии в целом.

Многозначительная пауза.

Оглядываю зал и отпиваю из пивной кружки глоток моего божественного коктейля, который после моей теоретической выкладки я поклялся называть «Кровавой Мирандой». Мадам Луковица торжественно уселась в кресле первого ряда. Как и положено в таких случаях пострадавшей, да ещё в зале суда – она заливается горячими крокодильими слезами. На коленях у неё – monsieur Корнишон. Тоже заливается слезами на весь зал и тихо попискивает. На коленях у Корнишона – Павел Буррэ с воткнутыми в него восьмьюстами свечами, по свечке за год жизни. Уважаемые судьи, не кажется ли вам, что эти господа, выражаясь для данного случая очень мягко, слукавили?.. Подумайте только, пораскиньте оставшимися у вас мозгами! Восемьсот свечей, по свечке за один год! Что же это получается? Сколько же лет этому ихнему Павлу? Если ему восемьсот лет, то, учитывая характер обвинения, это судебное заседание нужно было бы проводить на кладбище!

А Павел сияет, как театральный софит и улыбается. Он думает, что мы здесь все tudaki. Ему, по-видимому, нравится, как прокурор засадил про гармонию, да ещё с заглавной буквы...

А прокурор видит, что Павел улыбается и наяривает дальше:

– Все наши чувства, медам и месье, в конечном итоге воплощаются в действия. Все действия приводят к некоей цели. Чувство любви, высокое и благословенное Богом, приносит неминуемый результат: рождение здорового потомства на благо процветания нашего с вами социума...

(Уж с этим бы я поспорил...)

...чувство дружбы и взаимовыручки спасает возмужавших членов...

(Так, начинается тема эротики...)

...спасает возмужавших членов общества от уныний и неудач и позволяет им проникать всё глубже и глубже в гранит науки, в плоть искусства и в тело разума...

(Бог свидетель, и в самом деле эротично...)

...законы же нашего демократического общества позволяют окрепшим членам спустя некоторое время извергнуться семенем разума и добродетели и прорасти это семя в наших душах и сердцах!

(Да он же сексуальный маньяк! Господа судьи! Его самого не мешало бы упрятать поскорее за решётку, причём, безо всякого суда и следствия! Вы спросите его, где его правая рука! Если бы не трибуна, вы бы увидели, чем он так занимается!)

– Так вот, медам и месье, как говорил один мой знакомый, весьма солидный и демократически настроенный человек, есть время разбрасывать семя; и есть время собирать камни. Время разбрасывать семя закончилось!

(Поздравляю, господин прокурор. Хотя бы у вас с этим делом всё в порядке.)

– Наступило время собирать камни. Так давайте же уберём этот камень с нашей дороги, чтобы молодое поколение не споткнулось однажды и не упало лицом в грязь разврата и греха!

Бурные аплодисменты.

А я бы посоветовал вам, господин прокурор, убрать лучше за собой своё семя, чтобы выходящие на эту трибуну не поскользнулись и не разбили себе нос о графин с водой. Неизвестно, что ещё лучше, дорогуша моя, семя или камень, потому что камнями, да будет тебе известно, мостят мостовые.

Аплодисменты тем временем гремят всё громче и громче. Они, наверное, решили, что пришли на концерт Карузо. Тише, господа! Тут вам не Гранд Опера, здесь решается судьба человека, хотя, по правде сказать, кого из вас это волнует... Я даже так скажу: вас это настолько не волнует, что вы даже не позаботились предложить мне адвоката. Наверное, все адвокаты ушли в прокуроры. Очень уж заманчиво на глазах у публики орудовать под трибуной правой рукой. Может быть, они поэтому и аплодируют ему, словно он Карузо – Карузо ведь тоже кончал на сцене! Адвокатам, конечно, тяжелее в этом смысле: сидишь себе возле подсудимого и перекрикиваешься то с прокурором, то с главным заседателем.

Ну да ладно. Кончилось время хаоса, настало время гармонии.

Вы уж, наверное, подумали, что я сейчас брошусь в этом зале на колени, буду плакать, просить пощады, потом мы всей нашей дружной ватагой прямо из этого зала отправимся на мой расстрел, а потом вы все к вечеру рванёте в ресторан, обсуждать столь интересно проведённый день. Я бы с вами, господа, тоже отправился в ресторан, тут же после расстрела, но меня, к величайшему вашему сожалению, современные рестораны просто-таки удручают! Всё в них как будто специально подстроено, чтобы убить в человеке самое древнее и самое глубокое желание, появившееся namного

раньше желания секса (в чисто хронологическом смысле) – желание принимать пищу.

Господа! Вы так любите делать акценты, так любите прерывать свои мысли в самых неожиданных местах, так что, представьте себе, что теперь и я болен этой болезнью. Я хочу сделать акцент на словах «в чисто хронологическом смысле» и, не дожидаясь эха, растолковать вам, что в глубокой древности человек хотел вначале кушать, а затем ужетрахаться. вспомните, хотя бы рождение рода человеческого: пока Адам и Ева ненажрались вдоволь яблок из чужого сада, они и не подумали даже приступить к тому, что в простонародье стыдливо называется «коитус»! Или как вам нравится, например, болеепоздняя хохмочка «путь к сердцу мужчины лежит через желудок», придуманная, естественно, нами, мужчинами?..

Так что, если, забегая вперёд, говорить о разнообразии блюд, то первым блюдом, которое должно подавать посетителям ресторана, будет блюдо с яблоком. Чтобы ни у кого не возникло и мысли, что блюдо с яблоком – есть прихоть повара, одуревшего от жара на своей кухне, или нагрузка к основному меню, само яблоко можно нафаршировать змеиным мясом, а сверху полить змеиным ядом. В меню же можно написать:

«БЛЮДО ПЕРВОЕ:
СОВРАТИТЕЛЬ, ПОГЛОЩЁННЫЙ
ОРУДИЕМ СОВРАЩЕНИЯ,
В СОБСТВЕННОМ СОКУ».

Кратко и лаконично. И навевает на всевозможные размышления, уже не позволяющие поглощать пищу чисто автоматически, как это делают в обычных ресторанах. Почему-то в обычных ресторанах считают, что пищу нельзя принимать иначе, как только с музыкальным сопровождением её в желудок. Это одно из самых величайших заблуждений, господа! Я ещё кое-как могу допустить, что слушание музыки может сопровождаться принятием пищи, но принятие пищи – слушанием музыки – никогда!!!

Вы скажете, что я опять занимаюсь тавтологией? – отнюдь, ибо, слушание музыки и принятие пищи есть нечто иное, чем принятие пищи и слушание музыки. Впрочем, об этом мы поговорим с вами позже, если у меня будет время рассказать вам про свои представления об устройстве оперного театра.

Я **обязательно** расскажу вам об этом, господа, даже если у меня и не хватит времени. Времени же у меня может не хватить только в том случае, если меня поведут после суда на расстрел. Вот тогда-то я и расскажу вам о своих планах переустройства оперного театра, пользуясь законным правом последнего слова перед казнью. А пока позвольте всё же прояснить вопрос с рестораном.

Что, вернее, кого мы видим каждый божий вечер, входя в ресторан? – портье. Неужели у вас не встают волосы дыбом и не холодеет кровь при виде этого ужасного зрелища?! – наглый здоровенный мужик средних лет с неопределённого рода интересами, с костюмной щёткой в руках набрасывается на вас и, делая вид, что чистит ваш пиджак, на самом деле с предательской ухмылкой пачкает вам спину чем-то белым. И всё это ради того, чтобы когда вы вновь невзначай будете проходить мимо него, опять-

таки наброситься на вас с предательской заботой и получить дополнительные чаевые!

Мало того, что этот тип своими действиями дискредитирует вас в глазах общества, постоянно словно намекая: «Ну, стоит мне вас увидеть, как сразу хочется взяться за ведро и тряпку». Мало этого, повторяю! Так вы задумайтесь на минуточку о вашем достоинстве! Вы – мужчина. Вы пришли с дамой, либо один, либо с другом – всё это не суть важно. Важно то, что вы пришли ДОБЫВАТЬ СЕБЕ ПИЩУ, чтобы затем НАСЛАЖДАТЬСЯ ДОБЫЧЕЙ. А как же можно добывать и наслаждаться, если с самого порога с вами обращаются, словно с младенцем в колыбели?!!

Кстати, пока не забыл, по поводу колыбели... Эти сидения за столиками, да ещё в различных закутках за ширмами при свете лампочек, прикидывающихся свечками! Это же позор для уважающего себя посетителя!!!

В моём ресторане всё будет по-другому.

Первое условие – посетитель, а лучше выразиться, гость, должен быть в постоянном движении. Вы раскрываете массивные двери в просторную гостиную... В гостиной – никого, кроме двух львов, прикованных массивными же золотыми цепями к одной из стен. Они охраняют телефонный аппарат, стоящий на столике из орехового дерева. На стене – надпись на различных языках, в том числе и на языке Хинди, гласящая, что телефон напрямую соединён ну, скажем, с чем-то крайне возвышенным и вызывающим трепет. К примеру, с апартаментами президента Соединённых Штатов АМэрики в Белом Доме или с Центральной Парижской Налоговой Инспекцией.

Соседняя стена – стеклянная; и через стеклянные же двери вы проникаете в следующую, крайне обширную залу, где на двух стеклянных столах, вдвое больших, чем на «Тайной Вечере» Леонардо, покоятся Вол, Овца, Козёл и Голубь, вокруг которых с длинными, загнутыми кверху кинжалами орудуют монашески, облачённые в бело-голубые одеяния ордена Матери Терезы.

В зависимости от своего собственного темперамента вы выбираете себе Жертву, после чего безропотная монашеска на серебряном блюде подносит вам кинжал, дабы вы собственноручно пролили кровь невинного животного. Если вы падаете в обморок при виде крови, можете передать кинжал своей даме или другу; или, на худой конец, своим детишкам, коли вы пришли в мой ресторан всей семьёю.

После торжественного заклания животного, вы отрезаете от него излюбленный вами кусок и несёте его в другую залу, ещё более обширную, чем прежняя. Вся эта зала озарена дьявольским оранжево-красно-голубым светом, ибо оснащена различного рода топками, жаровнями, печами и даже кострами, вокруг которых поют и танцуют цыгане, играя на мандолинах, балалайках и гитарах. Самый старей и главный цыган исполняет соло на органе, полностью занимающем одну из необъятных стен. Трубы органа возвышаются под самые своды залы, словно огненные раскалённые трубы дьявольских печей и изрыгают из себя звуки вперемежку с пламенем, ибо, если какой духовой инструмент и достоин звучать в этом грешном мире, то это орган; но лишь вместе со звуками из его раскалённого мелодией жерла непременно должно вырываться пламя.

Цыгане не просто поют. Они ИСПОЛНЯЮТ. Пение, как таковое; пение, как пение, просто лишено всякого смысла, ибо по-настоящему Петь

человек начинает в тот момент, когда уже бессильны речь, декламация, плач и крик...

Цыгане исполняют Гимны. Не знаю пока, почему именно Гимны, но эта неземная фраза является для меня тем леденцом, той карамелькой, которая придаёт моей слюне привкус тёплой крови.

ЦЫГАНЕ ИСПОЛНЯЮТ ГИМНЫ

И не пробуйте даже разгрызть эту карамельку – она тверда и остра; она ранит ваш язык и нёбо и к тому же, она вечна, как Вселенная. Её можно лишь выплюнуть, но при этом всё равно до конца своих дней вы будете ощущать во рту вкус тёплой крови.

Дымят, потрескивая, костры, звучит орган, адские печи выбрасывают из своих ртов огненные языки, облизывая сладострастно и дико полуобнажённые тела атлетов, заправляющих в жерла печей уголь; звенят расстроенные гитары и мандолины, шипит и плещется на сковородах масло – это цыгане исполняют Гимны.

Какой величайший в мире контраст, если в ваших руках, когда вы войдёте в зловеще-ликующую и мощную залу, будет всего лишь тощенькое крылышко горлицы! Это в *ваших* ресторанах, господа, приемлем листик капусты на фарфоровой тарелке в качестве ужина.

Такой же величайший в мире контраст между пением и исполнением Гимна!

...И вот вы бросаете на раскалённый, плещущий жиром металл свою добычу, и свершается главное: каждому воздаётся по его темпераменту: худенькое крылышко горлицы мгновенно сгорает в раскалённой жаровне, оставив после себя лишь шипящую кучку пепла; тушу же буйвола, как карамельку, обсасывает ненасытный зверь, называемый огнём.

Вот тут-то полуголый атлет и подносит вам то самое меню, где на кожаном листе пергамента человеческой кровью начертано:

«БЛЮДО ПЕРВОЕ: СОВРАТИТЕЛЬ, ПОГЛОЩЁННЫЙ ОРУДИЕМ СОВРАЩЕНИЯ. В СОБСТВЕННОМ СОКУ».

Раскрывается жерло одной из бушующих печей и из него на чугунных носилках выплывает огромное яблоко, из центра которого, вместо привычной ножки торчит змеиная голова. Росток греха.

Возбуждённая Гимном цыганка преподносит вам это яблоко; преподносит не на блюде, как в ресторанах, но держа дымящийся плод в руках, одетых в серебристые огнеупорные перчатки, какие носят пожарники во время пожаров.

Но не успеваете вы понять, чья голова торчит из поднесённого вам плода и почему, будучи вынута из огненного Ада, она всё же шевелится среди отблесков органных труб и печей; как возбуждённые цыганки зовут вас туда, где в кипящем масле оставлена вами добыча – освежёванный буйвол, символ бесконечного терпения и бесконечной же силы, нелепой грудой распластавшийся теперь среди масла и горсточек пепла. Величественное зрелище, господа – мозг его уже согрелся в жаре, и из треснувшего черепа вырывается, пузырясь, кипящая кровь!

И тут вам преподносят аперитив: бокал той самой крови, что после освеживания вашей жертвы собрана со стеклянного стола.

Не бойтесь пить кровь, господа! По вкусу она напоминает обычную минеральную воду из источников, солоновато-сладковатую и отдающую привкусом железа... разве что, кровь немного гуще.

...И как только вы отпиваете глоток, ваш бокал вновь наполняется до краёв из золотого кубка, в котором бледным холодным пламенем пылает чистый спирт... А, может быть, это не спирт. Как знать...

Бокал с коктейлем, составленным, как вы уже догадались, по «Формуле Изы Миранды», пускается по кругу. Вначале пьёт ваш друг. Бокал вновь доливаётся из пылающего золотого кубка. Затем пьёт ваша жена. Бокал вновь наполняется... пьёт ваша любовница, ваш любовник; так что, когда дело доходит до ваших детей, они уже хлеблют чистый спирт, обжигая курносые носики в голубом пламени, которое удаляет с милых детских личиков бровки и реснички.

Но вы уже не видите всего этого – вы бросаетесь в бешеную пляску, исполняя с цыганами гимны с такой лёгкостью, как будто вы всю свою жизнь провели среди огненных печей и кипящего масла, пропитанные дымом костра и мажорным дыханием органа.

И, заметьте, никакой музыки, господа! То, что было, не было музыкой. Тем более, не было ресторанной музыкой, хотя пришли-то вы всё-таки, в ресторан, если сами это ещё помните. То был первый вдох, первобытный шорох, изначальное Естество, Гимн, написанный не пером, а тем самым предметом, о котором не принято упоминать на бумаге.

С какой необычайной лёгкостью я сделаю сейчас глоток из никогда не пустеющей кружки!.. А вы знаете, написав формулу Кровавой Миранды, я изобразил вам формулу всей нашей жизни. Но прежде, чем объяснить, как это произошло, я хочу предложить вам рецепт ещё одного коктейля, составленного по этой неизменной и единственно верной формуле. Коктейль называется «УХОД В ПРОСТРАНСТВО». Рецепт его очень прост. Наливаете в пивную кружку в соотношении один к одному крови с молоком и, делая первый глоток, вливаете в кружку спирт. Спирт. СПИРИТУС. В переводе с латыни это означает Дух. Какая замечательная возможность почувствовать себя Творцом! Ведь это Он, Творец забирает у нас тело – глоток за глотком, наполняя нас при этом Духом, твёрдо следуя формуле Кровавой Миранды, начертанной там, на Небесах. Остаётся только молиться, чтобы Творец наш и Создатель, этот сукин сын там, на своём облаке не перепутал сослепу бутылки в своём баре. Ведь может же так случиться, что вместо Духа он начнёт подливать в нас какую-нибудь гадость, типа дешёвого вина или виски! И тогда мы не взлетим туда, на Небо, не уйдём в пространство, как это произошло с упомянутыми вами, monsieur прокурор, правда, косвенно, Иисусом, Моцартом, Павлом Буррэ и, я бы сказал, Изой Мирандой. Нас выплеснут на грязный засанный кафель и рыгнут в нас кислой отрыжкой.

Теперь уже интересно знать, что же сделал я. Вначале с Павлом Буррэ, так как это – самое ближайшее моё преступление. Другие же, за давностью происшедшего могут обсуждаться лишь между мной и тем кретином, которого каждое утро я встречаю в зеркале. Господа! Я оправдаю Павла, и тем самым оправдаю себя, а за одно и Иуду, и Сальери, и всех остальных, которые знали(!) секрет формулы Кровавой Миранды.

Корнишон с луковицей и Павлом на коленях, видимо, даже и не понимают, о чём я; зачем мне приспичило оправдывать их драгоценного Павла. Ха-ха! Подождите, господа! Вы ещё не то услышите в этом зале!

Забудем на минуту о моей знаменитой формуле, а зададимся вопросом: кто такой «Павел Буррэ»?.. Это Время, отвечаю я вам. И измеряется оно не количеством вульгарных свечей, которые понатыкала эта мадам в пострадавшего (а пострадавшего ли?). Эти свечи, быть может, и есть те самые стрелы, которыми был истязаем Святой Себастьян в памятные, увы, не нами, времена.

Но бросьте в меня камень, господа, если Павел Буррэ – это всего лишь секунды и минуты, шипение бикфордова шнура и тоскливая музыка. Да, конечно, я не могу с вами не согласиться – он есть время, есть секунды и минуты, но время, секунды и минуты – это так же и мы с вами! Мы, грешники, состоящие из плоти и крови и подчас лишённые всего остального (выразительный взгляд на мадам), того, что вложил в нас Творец помимо перечисленного, а именно, ума или, хотя бы, элементарного рассудка.

Иными словами, господа, минуты и секунды – это то, что объединяет нас с Моцартом, раз уж мы повели о нём речь, Пикассо, Байроном...

Мадам Корнишон! Вы так любите акценты... Так вот, я акцентирую на глаголе «Объединяет». Подумать только! У нас, грешников, у нас, иуд и сальери есть нечто общее с **Великим**, с Великим, которое мы, писаки, как тут изволил сообщить monsieur Корнишон, обозначаем не только с заглавной буквы, но и жирной красной гарнитурой. С Великим, неотъемлемым признаком которого есть ещё и нечто такое, что даже не поддаётся подчас нашему разумению, но присутствие чего мы ощущаем ежесекундно, что и позволяет нам говорить об Иисусе Христе, как о Боге: ЯХВЭ. Он есть Сущий; о Моцарте, как о гении вселенской гармонии и о Кротовой Миранде не просто как о напитке, а как об одном из законов вселенского бытия!

Бурные аплодисменты. Я с удовольствием поднимаю свой бокал, чтобы сделать глоток.

А теперь спросите меня, что есть наше тело... Что есть те минуты и секунды, которые оно отсчитывает в этом мире, подобно маятнику часов?.. И я отвечу вам. Наше тело есть пивная кружка, проще выражаясь, бокал, к которому прикладывается каждый, кому не лень: обстоятельства, друзья, злой Рок, любовницы, любовники, Провидение... Кружка же, заметьте, всё наполняется и наполняется вновь, и чаще всего – тем самым спиритусом (не зря в моём ресторане подают лишь его, да ещё в золотых кубках). И дабы клиент был уверен, что в кубке именно спиритус, а не какое-нибудь дерьмо, его поджигают. (Не клиента, разумеется, а спиритус.) Каждый из нас знает, что плохое вино, и даже очень хорошее вино не возгорятся, как не старайся поднести к нему спичку – справа или слева от кубка, сзади или сбоку... Можете хоть паяльную лампу притянуть: всё равно ни хорошее, ни плохое вино не загорится.

Тут меня могут обвинить в преступлении против французской культуры, ибо не пьют у нас во Франции спирт; и даже водку не пьют. Но что поделать – я смирюсь с обвинениями, лишь бы успеть на этом процессе дорассказать вам о своём открытии Мировой Гармонии, а, тем самым, оправдаться перед судом за предъявленное обвинение в убийстве Павла Буррэ.

Итак, не загорится в вашем кубке ничего, кроме спиритуса. А если вместо кубка соспиритусом внесут вам под нос канистру с бензином, так сразу же будет ясна подмена: либо по запаху, либо по взрыву. И тут, ещё одна закономерность: все мы, как ни крути, отхлёбываем из пивной кружки соседа. Помните, я говорил, что взрослые, встречая друг друга, непременно смотрят встреченному в рот: всё ищут, ищут сладкую карамельку для подслащивания слюней? – новая же, открытая мною закономерность, заключается в том, что взрослые при встрече друг с другом вечно цепляются за руки: это они, глядя друг другу во рты, тем временем ищут исподтишка ту самую кружку: а ну мол, дай-ка отхлебнуть. И если кружка такая у кого имеется, то не сомневайтесь даже: отхлебнут, потом ещё раз отхлебнут и попросят добавки. Самая интересная-то штука заключается в том, господа, что они у нас отхлёбывают, а нам тем временем оттуда, Сверху, подливают... Так давайте же выпьем за то, чтобы нам думалось не о том, кто, сколько и, чего у нас отхлёбывает, а о том, *что* нам там сверху плещут в наши никогда не пустеющие кружки!

Так давайте же, наконец, выпьем за мой ресторан, в устройстве которого нашли отражение все корявые прелести диалектики с её, безусловно, божественностью, о которой она даже не подозревает и против которой так борется!

Вот. Сейчас вы аплодируете. А лучше бы, пока я не уронил на пол пивную кружку, понаблюдали бы за процессом отпивания!

Именно отпИвания, а не отпЕвания, хотя, по правде сказать, тот второй процесс не менее хорош собой, и если вы мне как-нибудь на досуге дадите возможность вникнуть в его суть, я вам начерчу парочку таких божественных формул, что Пифагор с Лобачевским так и ахнут, перевернувшись во своём гробе.

Но я занятой человек, господа; на всё у меня не хватит времени, поэтому про отпевание покойников (отпЕвание) вам придётся узнать где-нибудь в другом месте. Позвоните в Ла-Скала. То, чем они там занимаются после того, как со сцены сошли воистину великие мастера, очень напоминает тот самый процесс.

А вот про отпИвание в современной опере как раз таки ничего и не знают, а надо бы. Для истинного художника это не последнее дело, тем более, когда художник отпивает не просто так (тляп-ляп, лишь бы поскорее... подойти к мольберту, взяться за чернильницу или выйти на сцену), а знаком с метафизической и астрально-динамической стороной этого процесса. Чтобы особенно не уклоняться в сторону от темы нашего сегодняшнего собрания, а именно, защиты мною самим от меня самого от... то есть, защиты от меня самого... вернее... чтобы не уклоняться в сторону от сути, давайте обратим наше внимание на кружку, из которой я сейчас произвожу отпивание. Посмотрите: я делаю глоток, и кружка наполняется. Для тех, кто не пришёл в связи с этим ни к какому умозаключению, повторяю процесс ещё раз. Смотрите внимательно: я делаю глоток, и кружка тут же наполняется! Нет ничего удивительного в том, что она снова наполняется. Удивительно то, что по закону сохранения энергии, наполняется в неё ровно столько, сколько мы прежде того отпили: ни больше, ни меньше. И ещё одна деталь: то, что мы отпиваем изкружки (я имею в виду не процесс, а называю её содержимое), не идентично тому, что в неё тут же наливается.

Теперь, внимание! Начинается самое интересное с научной и художественной точек зрения: поскольку мне не выдали на этот суд адвоката, я приступаю к защите самого себя, своей собственной персоной.

Господа! Мы ходим взад-вперёд по миру и хлещем из кружек друг друга так, что только и успеваем расстёгивать и застёгивать ширинку. И никогда не знаешь, что за человек тебе попадается. Иной раз прильнёшь к кружке, а там – такая гадость! стыдно даже сказать, что порой можно встретить в тех кружках. (А заметьте, Рука сверху подливает всё свеженькое – сплошной Spiritus Sanctus). Но куда ж та Рука будет подливать тому, у кого в кружке сплошная гадость?! Куда ей подливать, этой руке, если из той кружки никто и не пьёт вовсе? В наше время мало найдёшь таких, кто добровольно согласится пить гадость, да ещё из пивной кружки. А если из кружки нашего бытия не отхлёбывать порой, то никогда она не наполнится чистым Санктусом, что в переводе, опять же с латыни, означает, «святой чистотою», господа!

...И вот сидим мы себе однажды на лавке в Булонском лесу, читаем Бодлера и вяжем носок, как вдруг откуда ни возьмись, подскакивает в нам некий monsieur, цап у нас кружку из рук, и – хлоп – до дна высасывает всё наше бытие. Да так проворно, что мы даже не успеваем вспомнить ни одного матерного слова.

Но прозрение снисходит к нам в тот же миг. Вначале мы понимаем, что матерные слова ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшую вечность нам на хрен не понадобятся; потом мы видим, как строки Бодлера отделяются от страниц книги и медленно и плавно проплывают меж цветущих ветвей сирени, направляясь к сияющим золотом небесам в заоблачные выси и райские поэтические дали, а потом, как подстреленные утки, на бреющем полёте срезают куст сирени и с адским грохотом приземляются в чугунную урну, стоящую подле скамейки, на которой вы сидели. «И правильно» – думаете вы, покидая скамейку и повторяя начальную траекторию полёта строк Бодлера, – «Нечего этому бывшему писаке делать среди нас, Ангелов. Мы, Ангелы, не читаем таких книжков. Мы, Ангелы, гуляем по Небесным аллеям и наслаждаемся лишь невинной литературой»...

(А что может быть невиннее, чем телефонный справочник – так что, либо будьте готовы к сюрпризам, господа, либо не спешите попадать в Рай).

...И вот, наконец, с замиранием сердца вы понимаете, что счастливо миновали ту незримую черту, на которой подстрелили Бодлера и, ничем больше не отягощённые, уносите в бескрайнее пространство, где нет никакой мечты, а есть один покой и воля. (Тут следует сноска.)

Сноска: «Конец последней фразы есть ничто иное, как перекромсанная цитата, в оригинале звучащая следующим образом: „Там нет мечты, но есть покой и воля“. На суде я мог бы прочитать цитату дословно и в более полном виде, но, думаю, тогда восхищённые моим стилем и речью в целом, присяжные потребовали бы от меня продолжать свою защиту четырёхстопным ямбом или, в лучшем случае, гекзаметром». Конец сноски.

Тут следует вторая сноска.

Вторая сноска: «Само собой разумеется, что отрывок о том, что Ангелы, проживающие в Раю, читают лишь телефонные справочники, есть хитрая фальсификация. Этот отрывок произнесён специально для ушей почтенного суда. Мне приходилось учитывать специфику своей речи, а именно, её адвокатскую направленность. Судьи с большей охотой прощают

убийства, когда знают, какие муки ожидают их подсудимых даже в том случае, если те исхитрятся пролезть в Рай». Конец второй сноски.

...Итак, господа, только что мы с вами были свидетелями незабываемого: некто сидел на лавке, почитывая никому не нужные «Цветы Зла»; мимо него прошёлся второй некто, предположим, это был ваш покорный слуга; и в этот самый момент некто-сидящий-на-лавке, тихо и беззвучно пукнув, отбросил в урну своего Бодлера, а сам направился к сияющим лазурью небесам, шелестя прозрачными крылами.

Можно ли за это судить некто-прошедшего, господа?.. Можно ли вообще судить за то, что, будучи на банкете, вы допили из чьего-то бокала чью-то гадость, после чего в бокал тот подналили свеженького?! А Спиритус Санктус ой, в какой нынче цене, господа!

Поднимите руку, у кого сейчас в кружке чистейший Спиритус Санктус?..

Правильно, среди нас таких нет. Те, у кого Санктус, давно занимаются чтением телефонных справочников, и плевать они хотели на наше с вами сборище. Даже в моей пивной кружке какие-то помои, отдалённо напоминающие Кровавую Мэри. И я тороплюсь, тороплюсь допить эти помои, потому что нет ни среди вас, ни среди остальных живущих на этой ничтожной планете того, кто сделал бы это за меня. Нет охотников до помоев.

Был, правда, один, но очень давно. Он пришёл к нам... он просто хотел поговорить с нами по душам... А мы вместо того, чтобы сесть и поговорить, налили ему ведро помоев – каждый из своей пивной кружки, и сказали: «Нечего нам с тобой тут разговаривать. Если ты и в самом деле тот, кем себя называешь, выпей, будь так добр, всю ту гадость, которая у нас тут накопилась, дабы нам подлили свеженького!»

И он понял, что должен сделать это. Должен испить из помойного ведра всё, что мы так вероломно ему в это ведро навалили. Он пошёл в сад, поговорить с Творцом.

– Что мне делать, Господи, пить, или не пить?

– Пить, – ответил Творец, – потому как только через тебя я смогу очистить этих тварей от скверны и от привычки подливать тайком от меня в свои кружки что попало. И потом, никак нельзя вылить это ведро на землю, или в пруд, потому что тогда они и вовсе превратятся в скотов и начнут прикладываться к лужам у дороги, как многие из них уже сейчас делают. Пей, а потом я заберу тебя к себе на Небеса, чтобы ты пописал там благоухающей росой и отдохнул маленько. А там посмотрим, что с ними со всеми на земле станет. Надеюсь, что вновь возвращаться тебе туда не придётся.

Бурные аплодисменты. Я поднимаю свой бокал и делаю большой глоток.

...А теперь, господа, спросите себя, что есть наше тело. Что **есть** те минуты и секунды, которые оно отсчитывает в этом мире, подобно маятнику часов? Я отвечу за вас, господа. Наше тело и есть тот груз, который не даёт возвыситься к Небесам, уйти в Вечность тому самому нечто, которое отличает Величие от Посредственности...

Мёртвая тишина, как пишут в романах. И в этой мёртвой тишине по залу суда эхом разносится гортанное

проглатывание Изы Миранды, блаженной спасительной струёю
вливающейся в мою красноречивую гортань.

«Кто знает, – подумал я, – уж не Кровавой ли Мирандой была смочена
та губка, которой протирал пот со лба Иисуса Христа безвестный стражник,
в то время, как сын Господа Бога Нашего оставлял своё брненное тело на
Голгофе?..»

...Теперь задумаемся, господа судьи, что есть смерть. Если чисто
научно определить сей момент, то смерть есть переход биологической массы
из одного состояния в другое. Но умерла ли Иза Миранда, просочившись из
пивной кружки в мой желудок?.. Я верю, каждый из вас ответит «Нет!», ибо
именно благодаря этому божественному переходу – или просачиванию, как
хотите – мы имеем сегодня возможность услышать то, что «бывший
писака», как меня сегодня имели честь величать Корнишон с супругой и
прокурором; то, что бывший писака, повторяю я, никогда не сказал бы вам,
будучи в своём обычном, естественном для нас многих, состоянии.

Я давно не пишу, господа. Моя печатная машинка покрылась плесенью
и пылью так, что ни одна буква – ни прописная, ни заглавная – не оставят
своего отпечатка на белом листе бумаги. Да и бумага моя, господа,
пожелтела. Как сказал один маленький мальчик, которого я встретил
вечность тому назад в Сахарской пустыне, «Если баобаб не распознать
вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он
пронизет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а
баобабов много, они разорвут её на клочки». Вот почему покрылась пылью и
плесенью моя печатная машинка. Вот почему пожелтели мои рукописи. Они
стали похожи на ту газету, что лежит на полу у меня в гостиной. В отличие,
правда, от моей рукописи, на страницах газеты той ещё проступают
потускневшие от времени буквы. Некто, чьего имени я незнаю и знать не
хочу, написал в этой газете статью под заголовком «Почему
умерла Иза Миранда». Я не читал той статьи. И не имею особого желания
читать её. Моё внимание привлекла лишь эта фраза: «Почему
умерла Иза Миранда». Как тонко, как хитро и вместе с тем бездарно сказано!
Кого не взволнует судьба несчастного создания по прочтении этих слов! И
обратите внимание: вопрос КАК это произошло, заинтересует вас гораздо
больше банального и вместе с тем человеческого вопроса «А должна ли была
она вовсе умирать?» Нас поставили пред свершившимся фактом и заставили
поверить, что понятие «умерла» непреложно. Так всю жизнь свою мы верим
в неизбежность смерти. И история того, КАК распяли Христа, волнует нас
больше, чем вопрос, почему он должен был умереть.

Многие возразят мне: Разве он умирал?!!

Умер человек, но остался Бог.

Умер человек, но остался Гений.

Умерла Иза Миранда, но осталась Кровь.

Кровь, которая налита сейчас в этот бокал. Я пью свою чашу до дна,
господа. Знакома вам эта фраза?..

Так кто же я? – Убийца Павла Буррэ?

Так кто же Иуда? – Убийца Бога?

Так кто же Сальери? – Убийца Гения?

Нет, господа судьи. Убить можно только баобаб. Встав рано поутру.
Если ты, конечно, в силах отличить его росток от ростка розы. Всё остальное
не умирает. Всё остальное продолжает жить в Вечности и освещать наши

жизни поярче, чем те свечи, которые, кстати, уже догорели, мадам Корнишон, и лишь запачкали вам платье цветным воском.

В зале потемнело. Потемнело и у меня в голове. Потемнело в гостиной. На ощупь я пробрался к серванту и наполнил опустевшую пивную кружку.

Быть может, в темноте я слегка перепутал пропорцию, ибо Миранда шибанула мне в голову не хуже чемпиона мира по боксу.

Я вернулся к столу, зажёл свечи и уселся в своё кресло. Сколько ночей я просидел так, глядя в широченный бездонный проём окна на звёзды!

Сколько ночей я задавал себе один и тот же вопрос: «Что же случилось?!» Почему всё произошло именно так, как произошло, а не иначе?

Вы скажете, что я сижу тут у себя в гостиной в глубоком покойном кресле, попиваю аперитив и занимаюсь болтовнёй? Хорошо, я скажу конкретнее. Но перед этим ответьте мне на один вопрос: скажите, что чувствует, о чём думает лётчик испытатель во время испытания машины, когда все системы работают на пределе возможного, ибо именно в этом состоит суть любого испытания?

Не знаете... А я вам скажу. Он спрашивает себя – какой там спрашивает – он орёт сам себе, перекрывая вой мотора: «О, Господи, так-твою-перетак! Что же я здесь всё-таки, делаю!!!»

Так вот, я кричу, кричу не вам, сытые месье и медам Корнишоны с зонтиками в любую погоду и с разговорами на любую тему; я кричу этой пропитой роже, которая по утрам с презрением глядит на меня из зеркала: «Что ты здесь делаешь, пьянь?..»

И всякий раз эта рожа орёт мне в ответ: «А ТЫ, пьянь, что здесь делаешь?!»

Что мы здесь делаем, Господи, ответь хоть ты мне! Скажи, зачем так получилось, что я, скитавшийся по всему миру счастливцев, познавший настоящую любовь и дружбу, видевший оскал Смерти и улыбку Фортуны, сижу теперь с вами в этом зале и, сидя здесь с вами, знаю, что единственное, на что я теперь способен, это нажраться до ломоты в глазных яблоках и упасть на ковёр, так и не дойдя до постели?! Когда это произошло и где та пружина, которая лопнула с оглушительным треском, да так, что ни я сам, ни друзья мои, если они у меня тогда ещё были, ничего, ровным счётом ничего не услышали?

Я не дурак, господа! Я понимаю, что такое чистота и сила любви, и я понимаю, что я владел ими, если вообще слово «Владеть» применимо к таким понятиям.

Почему в этом хреновом мире всё так быстро и вместе с тем незаметно для глаза меняется? Как понять – когда, в какой именно момент наступает рассвет, и когда день переходит в вечер? Как получилось, что я, силой своего собственного интеллекта создал чистейшее в мире существо, а затем, испытав катарсис, опять же воспользовавшись своим сраным интеллектом, отправил это существо в пространство, в Вечность, лишив земной оболочки, лишив тела, без которого все эти слова о звёздах, звенящих как бубенцы, превращаются всего лишь в идею, в отвлечённую идею, эфемерную, как облако?..

Кто мне теперь может сказать те слова, которые мне так хотелось бы услышать именно теперь. Кто мне ответит на мои вопросы. Всё во мне изменилось, господа, и у меня появилось много вопросов.

Например, можно ли верить в постоянство идеи?.. Кто мне даст гарантию, что там, куда я отправил свою прекрасную, гармоничную и

кристально чистую идею, не появится другой, второй мудака, типа того, что каждое утро глядит на меня в зеркало, и не подарит моей (моей!!!) – вы так любите акценты, господа – идее новый облик.. Ну, пусть не новый, пусть тот же...

Знаете, что тогда произойдёт? – этот сукин сын, воплощённый или перевоплощённый – как хотите – будет жить там, на своей планете и наделает кучу глупостей! А что смогу поделать я?

Что, если сейчас, спустя долгие годы, когда я изменился, постарел и перестал его ждать, он *действительно* вернётся?! Как я буду говорить с ним, сидя в этом дремучем кресле, держа в руках пивную кружку, до краёв наполненную водкой, перемешанной с томатным соком?!!

Нет, господа. Лучше уж совсем не жить.

...Не стоит, вероятно, добавлять, что на этот раз я не услышал бурных аплодисментов и криков «Браво». Лишь эхом пролетела по комнате последняя фраза, которую я прохрипел, не шадя своей надсаженной глотки: «Лучше уж совсем не жить».

Хорошо. Если так, закончим этот фарс.

Держа в левой руке кружку, я откинул со стола тяжёлую скатерть и выдвинул небольшой ящичек, похожий на ящик бюро. В неясном свечном свете блеснуло холодным блеском дуло револьвера. (Так, кажется, пишут в романах?)

Теперь небольшие приготовления... Успокойтесь, это не займёт много времени...

Вот он, конец фарса. На мне белая шёлковая рубашка, передо мною стол. На столе – зеркало, две свечи, мерцающие тусклым светом, пивная кружка с «Кровавой Мэри», и там – на другом конце стола, на самом краю – бездыханный труп растерзанного мною Времени.

– Вы хотите знать, в конце концов, почему умерла Иза Миранда? – Да всё очень просто. Она умерла потому, что получила пулю в висок.

Это случилось так. (Смотрите внимательнее.) Револьвер подносится вот сюда, возле глаза; глаз при этом непроизвольно закрывается, а мышцы указательного пальца тем временем совершенно сознательно (сознательно!!! – вы же так любите акценты) сокращаются.

«Бах» – раздался выстрел.

В стоящее передо мною зеркало я успеваю увидеть, как на белую мою шёлковую рубашку стекает красная струйка. Затем глаза мои застилает розовая пелена, а на губах я чувствую железистый солоноватый привкус томатного сока, смешанного с водкой, причём, не в лучшей для данной ситуации пропорции. Вряд ли мне теперь удастся отстирать от пятен томатов белый шёлк. Но пусть так. Зато вы теперь знаете, как умерла Иза Миранда. А ей пришлось, по-видимому, хуже, чем мне. Она-то была в тот день не одна в своём будуаре, а на балу, среди множества-премножества людей, которые, несомненно, смотрели на неё, когда прозвучал роковой выстрел. И одета она была соответственно случаю, в прекрасное розовое шёлковое платье. Она в тот день была похожа на Розу.

Вот!

Вот, о чём я спросил бы у этого сукиного сына, если бы он вдруг вернулся однажды ночью, или днём – как хотите:

– Что случилось с твоей Мирандой?, что случилось с твоей розой?

– Она умерла, как и обещала.

На этот раз я не вскочил. Но гром надо мною всё же грянул!

– Что?!!

– Она умерла, как и обещала, – прозвенел тоненький голосок, похожий на звон колокольчика. – Она умерла, как и обещала... бедняжка, мне кажется, она не получила от этого никакого удовольствия.

– Но разве можно получить удовольствие от своей собственной смерти? – это было всё, что я мог выговорить, сражённый неожиданностью его появления.

– Если хочешь досадить тем, кого любишь, то да.

– ???

– Она умерла в полном одиночестве, и могла только лишь предполагать, как я расстроюсь, вернувшись назад...

Он прикрыл глаза ладонью, будто от яркого света, а солнце – Боже! Откуда оно только вдруг взялось – солнце и в самом деле палило нещадно, и отвернулся.

– Не плачь, малыш, – попытался утешить я его, – ты тут действительно ни в чём не виноват...

– А я и не плачу, – он повернулся ко мне, и его спокойное лицо озарила беспечная детская улыбка, – я уже забыл даже думать про свою Розу и не сказал бы ни слова о ней, если бы ты мне не напомнил.

И тут он... засмеялся. Сначала мне стало жутко от этого его смеха, а потом я засмеялся вместе с ним. Я чуть не задохнулся от смеха, когда увидел его смеющимся, потому что смешно смеяться, когда не смеётся.

– Малыш, – сказал я ему, когда смех иссяк – я тут всё хотел спросить тебя, зачем ты ТОГДА покинул свою Розу, – ведь она так в тебе нуждалась! Зачем ты улетел от неё?..

– Она сделала это первой.

– Что, – не понял я.

– Это она улетела от меня.

– Неправда! Розы не умеют летать! – почти закричал я, давясь Кровавой Мэри.

– Тот мир, куда она улетела, – продолжал он, не обращая внимания на то, что я наглым образом напиваюсь, – тот мир... (Тут он умолк и его зелёные глаза будто подёрнулись холодным инеем.) – Она изменила мне.

Он проговорил это так, будто в горле у него застрял кинжал. Я не знаю, можно ли говорить с кинжалом в горле, но настаиваю на этом сравнении. Это первое, что мне тогда пришло на ум: он говорит, а в горле у него – кинжал. Холодный, длинный, острый.

И чем дольше он говорил, тем больше я понимал: кинжал пронзил его горло и почти коснулся сердца.

– Эх, малыш, малыш! – только и произнёс я, икая.

– Она изменила мне. Сначала мы жили душа в душу. Я закрывал её на ночь ширмой... от ветра. А ночью она улетала. И прилетала под утро. Я тогда тоже думал как ты, что цветы не умеют летать...

Он посмотрел на меня недоверчиво.

«Хорошо, я верю, верю, верю, что она улетела, – подумал я, почему-то начиная нервничать, – в чём ты пытаешься убедить меня?!! А, может быть, ты просто пытаешься оправдаться?.. Помнишь, как говорил Лис?.. Так вот, на самом деле ты приручил её, а потом бросил».

– Я не бросал её, – воскликнул он, непостижимым образом угадав мои мысли, – *я сам* был брошен. И мне не оставалось ничего иного, как уйти... А когда я вернулся...

Он надолго замолчал. Вот так, сидел на подоконнике, болтая ногами, похожий на школьника с лучистым челом и дневником полным пятёрок, и молчал. Мне показалось, что он *в который раз и думать забыл про свою розу*. И мне не хотелось прерывать его молчание. Я просто приложился к кружке и сделал ещё один глоток.

Где-то внутри меня беспокойно билась мысль: он говорит не про себя! Это ты говоришь. И нет никого на подоконнике. Это либо алкоголь, либо твоя совесть. Ты отделил её от своей души, чтобы не испачкаться, и посадил на подоконник... Вначале всё бывает легко и хорошо... Когда нам ничего не надо...

– Когда нам ничего не надо, – закончил он.

– Что? – испугался я и в белом проёме окна опять нарисовался силуэт.

– Вначале всё бывает легко и хорошо, – сказал он и опять надолго умолк.

– Когда нам ничего не надо, – подсказал я.

– Да, – согласился он, – это прекрасно – на ночь ставить ширму, а утром поливать землю.

– Это очень романтично, – попытался ободрить его я.

Он сидел спиной к свету, и я не видел его лица, но точно догадался, какое у него было выражение. «Он разговаривает со мной как со спившимся придурком, – мелькнуло у меня в голове, – Это очень романтично...».

– Да, возможно. Но так не могло продолжаться вечность!!! Каждую ночь и каждое утро в течение многих лет я ставил и убирал, ставил и убирал ширму. Этот ОБРЯД был для меня символом неизменности чувств. Но уже тогда я знал, что она улетает. Что никакая ширма ей не нужна. С таким же успехом я бы мог прикрывать ширмой от сквозняка пожарный гидрант, или...

... И тут он действительно закрыл лицо руками и заплакал.

– Десять лет подряд я любил пустоту... воздух под стеклянным колпаком.

Он плакал, поражённый этой мыслью, а я ничем не мог, и, главное – НЕ ХОТЕЛ помочь ему.

Я не должен был пропустить ни слова из того, что он скажет. Всё, что он говорил, он говорил ДЛЯ МЕНЯ и ПРО МЕНЯ. Ведь мы состаримся вместе.

– Ведь мы состаримся вместе, – услышал я его голос.

– Кто, – переспросил я, не понимая, о чём идёт речь.

– Лис, ты же помнишь Лиса?

– ...

– Когда я вернулся... во второй раз... Он был уже совсем старый, и совсем ручной...

– ...

– Его кто-то приручил. И этот КТО-ТО был уже не я... Старый больной Лис. Шерсть на нём пооблиняла и на спине и на загривке виднелись проплешины. Он совсем был не похож на того, прежнего лиса. Я сказал:

– Как жаль, что мне тогда пришлось уйти, но ты сам виноват, что стал несчастным...

– Очень даже не несчастным, – ответил он.
– Но я же приручил тебя, а потом исчез...
– Это должно было случиться, – сказал он, – чтобы что-то отыскать, сначала нужно потерять.
– Ну вот, теперь я нашёлся, только...
– Что только?
– Только теперь я не смогу любить тебя. Ты старый и больной...
– Я постарел, и ты перестал меня любить?.. Какая глупость, – сказал Лис, – мы ведь состарились вместе! Ты тоже постарел!
– Но вновь приручить! На это уйдёт слишком много времени! Ты уже старый, ты можешь уме...
– Ничего не говори! – прервал Лис, – Я не хочу этого слушать... Тем более, – он потупил глаза в землю, – Тем более, что я уже приручён.
– И тут, – сказал Маленький Принц, – я почувствовал едва ощутимый укол... Вот здесь, – и он прижал ладонь к своей груди.
«Это был укол ревности, малыш!»
– Мне больше не нужно охотиться на кур, – продолжал лис, – мой хозяин... мой друг, – поправился он, – угощает меня курами сполна... Когда он разделяет кур для супа, мне перепадают самые вкусные куски... гребешки, лапки, горлышки. А я так люблю куриные горлышки!..
...И теперь я больше не боюсь Охотников. Чтобы Охотники случайно меня не повстречали, на день мой Друг закрывает меня в вольере... А ночью я гуляю сам по себе и мне наплевать на вкусных кур.
– Он открывает вольер ночью?
– Я ухожу гулять сам, потому что ночью мой Друг спит. Зачем я буду будить его, чтобы сообщить, что хочу немного проветриться?.. Просто... Просто там, в вольере в левом углу я прокопал подземный ход... Ночью я проползаю под ограду, а под утро возвращаюсь обратно. Мой Друг очень любит меня и будет переживать, если увидит, что вольер пуст и меня нет.
– Бедный Лис! – воскликнул Маленький Принц, – И это он пытался убедить меня, что ему хорошо, что он нашёл себе друга! Да его просто поймали и посадили в тюрьму! Никто не любил его, и не будет любить уже так, как я!
– Но ты же ушёл, малыш! Ты всегда отовсюду уходил!.. И от меня ты тоже ушёл...
Я не хотел говорить этих последних слов, но они вырвались сами собой. Мне не нравилось быть похожим на старого больного Лиса.
«Все, кто повстречался с тобой, малыш, сначала были очень счастливы, а потом стали очень несчастны. Вот и для меня... ты – самое большое моё приобретение и самая большая потеря».
Я не сказал ему этих слов. Я их просто подумал. И потом, когда я открыл глаза и посмотрел на него, он сидел на подоконнике, как ни в чём не бывало, и опять болтал ногами, как школьник с ранцем за спиной.
– Я ушё-о-о-л, – тоненько пропел он и вдруг: – А что, я действительно постарел?
– Почему ты это спрашиваешь? Кто тебе это сказал?!
– Ну, Лис! Он же сказал, что мы состарились вместе, что я тоже постарел...
«Ах, малыш, малыш! Знаешь ли ты, что всё на свете стареет?! Стареют вещи, стареют чувства: дружба, любовь, ревность... Стареет месть,

передаваемая из поколения в поколение. Старее и разрушается. И то, что бабки и праотцы лелеяли и взращивали, их внуки и правнучки, сдают в утиль, как негодную вещь.

Старее вино. Но с годами оно становится всё крепче и лучше.

И люди ТОЖЕ стареют. Их тела разрушаются, а души, как и вино, становятся крепче. И если, когда нам двадцать, привязанность двух душ друг другу называется любовью, то, когда нам шестьдесят, мы зовём это ностальгией.

Знаешь ли ты, малыш, что такое ностальгия? Знаешь ли ты, как тоскуют старики, глядя по ночам друг другу в глаза?!!

А ты будешь *вечно* странствовать с перелётными птицами и никогда не скажешь: «Как это было прекрасно! Как жаль, что близится конец».

– Как это было прекрасно. Как жаль, что близится конец!

– Что?! – я так и подскочил в своём кресле, – Что ты сказал?..

– Как жаль, что близится конец, – послушно повторил он.

– Сегодня ночью...

...И я уже знал, что он скажет дальше: «Сегодня ночью я пойду и вернусь на то место, куда прилетел несколько дней назад»...

...Там за виноградником и за полем, засеянным пшеницей, где кончается берег и начинается море, есть остров. Совсем пустынный, одинокий остров. На этом острове ничего не растёт, *даже розы* не пустили там свои корни... Не могу понять, почему я приземлился именно там? И вот сегодня ночью... Я пойду на тот остров...

Я знаю. Ты наверняка захочешь пойти за мной. А может, и не захочешь. Теперь ты понимаешь, что со мной там ничего не случится. Помнишь маленькую змейку? Она не смогла причинить мне вреда. Тебе тогда показалось, что я умер. Но вот я перед тобой. Живой и невредимый. На этот раз всё будет гораздо проще...

– Нет, малыш! На этот раз я **пойду** с тобой. Я пойду с тобой на этот твой остров. Я хочу увериться в том, что ты улетел на свою планету...

Не знаю, понял ли он меня.

Мне кажется, я даже сам себя в этот момент не понял.

«Видишь ли, малыш, мне не безразлична твоя судьба. Я хочу, чтобы всё было хорошо... С тобой, с Лисом... с садом полным роз».

И тут мороз пробежал у меня по коже.

«Как я могу такое думать?»

Я ещё ничего не подумал, но МЫСЛЬ ОБ ЭТОМ напрашивалась сама собой:

«...С садом полным роз... Твоя роза любила тебя, но она улетала по ночам. Ночью она не была твоею. Ты говоришь, что она умерла. Умерла, как и обещала. А может быть, она и не умирала сама?.. Никто не знает, как умерла Иза Миранда».

«И кто знает, что ты скажешь тем розам в саду... Кто знает, что ты захочешь с ними сделать!»

– Нет, малыш! Я решительно не могу отпустить тебя одного!

– Ты просто хочешь, чтобы я ещё на год задержался здесь на Земле, – слетело с его губ.

– ...???

– Я могу улететь только оттуда, куда приземлился, и при том только тогда, когда моя планета пролетает над этим местом. Я не хочу ещё на год оставаться здесь на земле!

– Зачем же ты тогда прилетал сюда?
Честное слово, я начинал на него сердиться.

– А я не прилетал, – тихо ответил он, – я УЛЕТАЛ. Ты понимаешь разницу?!

– Это слово – «улетал»?..

– Да. Так делала моя Роза.
«Мы хорошо научились оправдывать себя, малыш. Когда же доходит дело до оправдания тех, кто достоин того, чтобы быть оправданным, у нас не хватает времени».

– У нас не хватает сил, – сказал он.

На этот раз я не стал удивляться, что он читает мои мысли. Это не то, чему стоит удивляться. Если бы все люди научились читать мысли друг друга...

– По крайней мере, дети были бы в полном от этого восторге, – засмеялся Маленький Принц.

– Чего нельзя сказать о взрослых, – добавил я и тоже рассмеялся, – у взрослых в головах такая путаница! Они, наверное, и стареют и умирают только лишь оттого, что не могут больше выносить путаницы в своей голове.

– Когда у них в головах становится совсем путано, они садятся в поезд и уезжают, – сказал Маленький Принц, – неужели они не могут понять, что их головы садятся в поезд вместе с ними?! – И он засмеялся ещё громче.

Это было похоже на игру в пинг-понг. Мы могли бы ещё долго смеяться над взрослыми, но один неловкий «пас» всё испортил:

– Ты никак не ожидал, малыш, что в твоей голове тоже произойдёт путаница, – сказал я неожиданно для самого себя.

Он ничего не ответил и лишь перестал смеяться.

– Именно поэтому ты и прилетел сюда вновь...

– Я же говорил тебе – я никуда не прилетал! Я улетел!!!

– Потому что запутался.

– Я улетел от обиды. Меня обидели, и я улетел.

– А потом?..

– Вчера я весь день просидел на берегу моря и всё смотрел на морской прибой. Всё, что случилось со мной потом, очень напоминало волны.

– Как это так? – не понял я.

– Меня обидели, и я улетел. Я никогда нигде не странствовал. В первый раз я улетел со своей планеты. И всё, что я видел потом... Мне нужно было сравнить... Узнать... Всё было прекрасно, пока я не прилетел на Землю. Эти маленькие планетки... Они такие жалкие... И они совсем не похожи на мою...

Я видел, как на глаза у него вновь наворачиваются слёзы.

« Не плачь, малыш... По-моему, ты болен ностальгией...»

– Они совсем не были похожи на мою планету, – продолжал он, – там нигде не было ни одной розы... Понимаешь, пока я летал там, мне не с чем было сравнивать. И я не вспоминал про свою Розу. На земле же я встретил...

Он сглотнул, словно захлебнулся, и продолжал:

– На Земле я встретил целый сад роз; целые горные хребты, истекающие красной лавой; я встретил пустыню, где полным-полно баобабов...

– Здесь ты встретил СВОЮ ПЛАНЕТУ?..

– И да, и нет. Здесь я встретил ВОСПОМИНАНИЯ. Я понял, что именно ОТСЮДА мне придётся вернуться домой. Потому что получилось так, что как не странствуй, всё равно возвращаешься к тому, от чего ушёл.

– И ты вернулся...

– Да, но когда я вернулся, я понял, что всё потерял. Ниоткуда нельзя улететь безнаказанно для себя. Ты улетаешь, а жизнь продолжается. Всё меняется. Это естественно: я не хуже тебя знаю, что в мире нет ничего постоянного. Но самое страшное в том, что всё изменилось без меня.

– Да ты и сам, пока странствовал по свету, тоже изменился, малыш!

– Я изменился, и потерял свою звезду. Для этого не нужно было много времени, чтобы понять, что теперь я здесь чужой. Моя Роза... Она умерла, как роза, но она до сих пор живёт... там... на той планете... Теперь она зовёт себя Дикий Колючий Шиповник.

И тут слёзы покатались по его щекам.

– Она превратилась в огромный ветвистый куст. И этому кусту уже не страшны ни сквозняки, ни даже ураган! Ему не нужна вода... Ему не нужен никто. И если за ним вдруг начать ухаживать, он умрёт, наверное, от отвращения.

– Да, малыш. Всё на свете меняется, – только и смог ответить я.

– Именно поэтому мне и нужно вернуться на мою планету!

– ???

– Чтобы попытаться остановить изменения...

– А лучше сказать – разрушение, – добавил я.

– Чтобы поговорить со своей розой, – уточнил он, подобрав под себя ноги и намереваясь встать.

– Постой, малыш, – прокричал я, – я хочу всё же пойти с тобой!

– Не бойся, – остановил он меня, – я ничего не собираюсь говорить тем розам, что растут на холме. Те слова, что я держу в моей голове, предназначены только для... моей розы!

– Я теперь ничего не боюсь, – проговорил я, отпивая последний оставшийся в пивной кружке глоток, – но я непременно должен пойти с тобой... Мне тоже нужно остановить разрушение...

– Очень хорошо, – неожиданно согласился он, – по правде говоря, за тем я и прилетел, чтобы позвать тебя с собой...

...И в этот момент солнце внезапно погасло, а квадрат широченного окна погрузился в пустоту. А пустота дёрнулась куда-то вниз (или это моё сердце, сжимаясь, вылетело в чёрный вакуум пространства?) и, ярко вспыхнув, озарила на долю секунды дорогу, вымощенную холодным камнем, скользким на вид, как рыба чешуя... дорогу, уходившую в золотые поля, туда, за виноградники; дорогу, врезающуюся в неподвижную чёрную кромку леса и снова теряющуюся в золотых полях...

И я ступил на холодный скользкий камень и пошёл вперёд. И не остановился. И не оглянулся. Даже когда понял, куда ведёт эта дорога.